

# РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

# СЕЛЯНСКИХЪ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на~~~~~ Подписка принимается въ  
четыре руб., съ пере- **№ 38.** редакціи сего журнала, при  
сылкою пять р. с. кievской семинаріи.

1870 года. Сентября 20-го.

---

**Содержаніе:** Вѣсѣда въ 16 недѣлю по пятидесятницѣ.—О развитіи воли у  
дѣтей.—Пастырскіе дневники.—Новыя книги въ пособіе при начальномъ  
изученіи закона Божіа.—Новый Магометъ.—Объявленіе.

---

## ВЕСѢДА ВЪ 16 НЕДѢЛЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Въ нинѣ чтенной евангельской притчѣ о талантахъ, даваемыхъ рабамъ ихъ господиномъ (Мат. 25, 14—30), иносказательно говорится о томъ, кто хорошо и кто худо употребляетъ дары Божіи, и о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія, въ свое время, произойдутъ для насъ отъ добраго или худаго употребленія сихъ даровъ.

Подъ человѣкомъ, давшимъ таланты рабамъ своимъ, разумѣется Самъ Господь Богъ, Творецъ, Промыслитель и Спаситель. Онъ одинъ даетъ рабамъ своимъ т. е. людямъ, таланты различныя, всѣ, какіе кто имѣетъ, дары: и духовныя—душевные и тѣлесныя, и благодатныя, *яже даждь вамъ и Отецъ вашъ небу* (Мат. 23, 34). Господь Отецъ нашъ небесный всѣхъ рабовъ любитъ и всѣхъ безъ исключенія ведетъ къ царствію небу, для безкончнаго блаженства, но не

всѣмъ людямъ даетъ дары одинаковые и въ равной мѣрѣ; одному даетъ пять талантовъ, другому — два, а иному только одинъ талантъ. Премудрый всегда дѣйствуетъ премудро. Таланты даются намъ, *комуждо противу силы его*; или, по изъясненію св. апостола, *по мѣрѣ дарованія Христова*, т. е. сколько каждый принять можетъ и сколько каждому нужно для потребностей его жизни и для той цѣли, которую предвѣденіе Божіе опредѣляетъ и указываетъ каждому изъ людей.

Рабы, упоминаемые въ притчѣ, воспользовались полученными отъ господина талантами не одинаково. Два изъ нихъ стали торговать на данные деньги, пустили ихъ въ оборотъ, получили прибыль, увеличили свое состояніе, сдѣлались богаче. Получившій пять талантовъ, *дѣла въ нихъ, и сотвори другія пять талантъ. Такожде и иже два, приобрѣте и той другая два*. Это же самое случится непременно и съ каждымъ изъ насъ, если дарованія Божіи мы будемъ употреблять такъ, какъ велитъ самъ Господь Богъ въ святомъ своемъ законѣ. Какъ тѣлесные органы отъ упражненія укрѣпляются; такъ и силы душевныя и всѣ дарованія Божіи и расширяются и совершенствуются и умножаются, когда мы употребляемъ въ дѣло наши таланты во всемъ согласно съ волею Божіею. Чѣмъ болѣе будешь учиться, тѣмъ болѣе приобретешь познаній, и умъ твой сдѣлается болѣе способнымъ отличать ложь отъ правды и познавать истину. Чѣмъ чаще будешь дѣлать добро, тѣмъ сердце твое сдѣлается способнѣе любить добродѣтель, а воля — исполнять заповѣди Божіи. Чѣмъ болѣе будешь давать, тѣмъ болѣе самъ получишь. Чѣмъ болѣе будешь служить другимъ, какъ Христосъ заповѣдалъ; тѣмъ болѣе самъ заслужишь у Христа, по Его обѣтованію. Чѣмъ чаще будешь радовать другихъ, тѣмъ чаще будешь радоваться самъ. Премудрый Господь такъ устроилъ, что плодотворное добро



доставляетъ добро и тому, для кого оно дѣлается, и тому, кто его совершаетъ; что дѣйствуя для блага другихъ, мы сами всегда получаемъ пользу, и всякій подвигъ христіанскаго человеколюбія, сдѣланный для другихъ, есть наше приобрѣтеніе.

Но рабъ, получившій одинъ талантъ, закопалъ его въ землю и *скрылъ сребро господина своего*. Этотъ рабъ—живое изображеніе всѣхъ тѣхъ людей, которые дарованія Божіи — свои силы и способности, по лѣности и небреженію, оставляютъ безъ употребленія, или употребляютъ во зло. У такихъ людей, — а ихъ тысячи въ Божьемъ мірѣ, — способности и дарованія, точно богатство, зарытое въ землю, никому — ни имъ самимъ, ни другимъ не приносятъ никакой пользы. Они не пользуются своимъ умомъ, чтобы научиться самимъ и другихъ научить мудрости христіанской, и потому предаются въ неискусенъ умъ творить неподобная. Живя своевольно и предаваясь чувственнымъ наслажденіямъ, они теряютъ свободу чадъ Божіихъ и становятся рабами своихъ вожделѣній, теряютъ способность искать высшихъ благъ и находятъ въ нихъ услажденіе, — и такимъ образомъ сами погибаютъ и другихъ примѣромъ своей жизни не назидаютъ, какъ требуетъ апостолъ, а развращаютъ и губятъ. Не питаютъ алчущаго, жаждущаго не напаяютъ, плачущаго не утѣшаютъ, хотя сами живутъ въ изобиліи, среди утѣхъ и радостей. Такіе люди никому не хотятъ доставить счастья, хотя бы могли содѣлать счастливыми многихъ. Богатство свое, которое тоже есть даръ Божій, они тратятъ напрасно въ безсмысленной роскоши и въ удовольствіяхъ, убивающихъ душу и тѣло; свое могущество и силу устремляютъ къ тому, чтобы удовлетворять во всемъ мелкому самолюбію своему и неразумному тщеславію. Такіе и подобные люди — что они, какъ не рабы, скрывающіе въ землѣ сребро господина своего?

По прошествіи долгаго времени, продолжаетъ евангельская притча, возвращается господинъ рабовъ тѣхъ и требуетъ у нихъ отчета въ данныхъ талантахъ. Господь долготерпѣливъ, но и Его долготерпѣнію есть мѣра, полагаемая безконечнымъ правосудіемъ. Рано или поздно, нынѣ или въ грядущіе дни, но непременно отъ всѣхъ насъ, братіе мои, Онъ потребуетъ отчета въ томъ, какъ и на что употребили мы наши силы и способности и всѣ блага, данныя намъ. Что же, — какой приговоръ мы услышимъ? *Добре благій рабе и верный*, сказалъ господинъ рабу, который на пять талантовъ приобрѣлъ другіе пять, *ты въ маломъ былъ веренъ, надъ многими ты поставлю: вижди въ радость Господа твоего*. Если бы и всѣмъ намъ услышать такое слово изъ устъ Судии всѣхъ, Господа нашего Іисуса Христа!..

И другой рабъ, получившій два таланта и приобрѣтшій на нихъ другіе два, услышалъ отъ господина такую же похвалу, какую получилъ имѣвшій и хорошо употребившій пять талантовъ. Значитъ, дѣло не въ томъ, болѣе или менѣе дано намъ талантовъ, а въ томъ, чтобы умѣть хорошо распорядиться полученнымъ и употребить оное во благо себѣ и другимъ. Итакъ никто не хвалился обиліемъ и величіемъ даровъ, полученныхъ отъ Бога. Даръ, потому самому что онъ даръ, не поставится въ заслугу; въ заслугу вмѣняется одно только доброе употребленіе сего дара. Никто ни въ чемъ не завидуй другому; будь каждый доволенъ своимъ состояніемъ, которое опредѣлили Господь и тѣми средствами, которыми владѣешь, по милости Божіей; употребляй ихъ согласно съ закономъ Господнимъ и — достигнешь назначенной тебѣ цѣли. Равно, никто пусть не смущается тѣмъ, что получилъ не много даровъ и не сдѣлалъ столько, сколько дѣлаютъ другіе. Будь вѣренъ въ свое малое, и, придетъ время, ты поставленъ будешь надъ многими.

Подходить къ господину и послѣдній рабъ, получившій отъ него одинъ только талантъ и говоритъ: *господи, вѣдяхъ тя, яко жестокъ еси человекъ, жениши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси; и убоаяся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли: и се имамъ твое*. Въ словахъ этихъ обнаруживается не страхъ, о которомъ говоритъ рабъ, но его лукавая дерзость. Онъ хочетъ извиниться, но чувствуетъ, что извинить себя нечѣмъ, и потому начинаетъ лгать и хитрить и для оправданія своего прибѣгаетъ къ дерзости. Лукавый рабъ чувствуетъ, что сдѣлалъ худо; и однакоже не думаетъ обвинить себя, а хочетъ и усиливается вину свою сложить на невиннаго господина. Какъ часто поступаемъ все мы подобнымъ образомъ! Грѣшимъ ежеминутно, но не сознаемъ своей вины и не каемся. Подъ предлогомъ слабости нашей природы отказываемся отъ исполненія закона евангельскаго; глупые пороки часто извиняемъ влеченіемъ и требованіемъ природы; грѣхи тяжкіе и преступленія, вопіющія на небо, называемъ извинительными немощами и недостатками человеческими. Хитростию, обманомъ, вымогательствомъ присвоиваемъ чужое, потому что заботимся о благосостояніи своего семейства; не ходимъ въ церковь, потому что некогда; не соблюдаемъ постовъ, потому что наше нѣжное, слабое тѣло не можетъ выносить постной пищи,—на все умѣемъ приискать причины, чтобы извинить себя. Очевидно, мы поступаемъ какъ оный лукавый и дерзкій рабъ, о которомъ говорится въ вышѣ чтенной притчѣ!

Что же отвѣчаетъ господинъ на извиненіе сего раба? Рабъ лѣнивый и лѣнивый! если ты зналъ, что я жну, гдѣ се сѣять, и собираю, гдѣ не расточалъ; то зачѣмъ не отдать серебра моего купцамъ? Тогда я, возвратясь, получилъ бы все съ лихвою. Нѣтъ, твое извиненіе не оправдываетъ, а обвиняетъ тебя въ лѣности, въ лукавствѣ и дерзости. И

потому возьмите у него талантъ и отдайте имѣющему десять талантовъ. *А неключимаго раба свергните во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.* Такъ будетъ Судія міра отвѣчать нѣкогда и на наши извиненія и оправданія, которыми мы не стыдимся прикрывать предъ Нимъ свою виновность. Таже кромѣшная тма, гдѣ вѣчный плачь и скрежетъ зубовъ не умолкающій, будетъ плачевнымъ достояніемъ всѣхъ, кто злоупотребляетъ своими силами, способностями—словомъ, всѣми данными Богомъ талантами.

Братіе! всѣмъ намъ даны таланты, какіе нужны, и въ такой мѣрѣ, въ какой полезно для насъ и необходимо, и будетъ время, когда потребуютъ у насъ отчета, какъ мы употребили Божіи дарованія. Чтобы не постигла насъ участь лѣниваго и лукаваго раба, не будемъ злоупотреблять нашими дарованіями или пренебрегать ими; но позаботимся възгрѣвать сіи дары Божіи съ любовію и усердіемъ, во славу имени Господа Иисуса Христа, въ пользу ближнихъ и во спасеніе себѣ, *да увидимъ въ радость Господа нашего.* Аминь.

П. В.

## О РАЗВИТІИ ВОЛИ У ДѢТЕЙ.

О волѣ человека мы судимъ по его дѣйствіямъ. Если человекъ дѣйствуетъ съ энергіей, и свои намѣренія приводитъ въ исполненіе съ рѣшимостью, постоянствомъ и твердостью, то мы говоримъ: у него сильная воля. Наоборотъ, если, не смотря на свои самыя добрыя намѣренія, человекъ дѣйствуетъ вяло, нерѣшительно, останавливается предъ самыми незначительными препятствіями, мы говоримъ, что у него слабая воля. Такимъ образомъ подъ словомъ воля мы понимаемъ не одни только желанія человека, каковы бы они ни были, но и *приведеніе желаній въ исполненіе.*

Въ этомъ смыслѣ въ волѣ различаются два главные качества: *сила* и *слабость*. Чтобы человекъ имѣлъ какое-нибудь значеніе въ жизни, чтобы онъ не былъ безотвѣтнымъ рабомъ внѣшнихъ вліяній и не шелъ постоянно туда, куда, какъ говорится, дуетъ вѣтеръ, но дѣйствовалъ самостоятельно, по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, для этого, очевидно, необходимо развивать въ немъ съ малолѣтства *волю сильную*.

Но человекъ живетъ въ обществѣ людей и потому желанія и дѣйствія его постоянно сталкиваются съ желаніями и дѣйствіями другихъ людей. Смотря по различнымъ причинамъ, условіямъ и послѣдствіямъ этихъ столкновений, желанія человека по отношенію къ другимъ людямъ бываютъ добрыя или злыя и дѣйствія его приносятъ другимъ людямъ пользу или вредъ. Въ этомъ смыслѣ различаются въ волѣ два новыхъ главныхъ качества: *воля добрая* и *воля злая*. Благо общее составляется изъ совокупности благъ частныхъ, т. е. состояніе цѣлаго общества людей будетъ хорошо только тогда, когда хорошо состояніе каждаго члена общества въ частности. Хорошаго состоянія общество можетъ достигнуть только въ томъ случаѣ, если каждый человекъ, дѣлая добро себѣ, не только не будетъ дѣлать зло другимъ, а напротивъ будетъ по возможности содѣйствовать благу всѣхъ. Когда же каждый, дѣлая добро себѣ, въ то же время дѣлаетъ другимъ зло, и въ свою очередь отъ другихъ испытываетъ только зло; тогда состояніе общества представляется крайне печальнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго и достигнуть перваго, очевидно, необходимо въ каждомъ человекѣ развивать съ малолѣтства *волю добрую*.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два главныхъ качества *воли*: *силу* и *доброту*, сочетаніе которыхъ даетъ человеку значеніе въ жизни и дѣлаетъ его полезнымъ членомъ об-

щества и которыя поэтому въ каждомъ человѣкѣ должны быть съ малолѣтства развиваемы *совмѣстно*.

Приводить въ исполненіе свои желанія человѣкъ можетъ только въ томъ случаѣ, если свободно владѣеть своими тѣлесными членами. Слѣд. забота о развитіи силы воли въ дѣтяхъ должна начинаться приблизительно со 2—3 года жизни, когда дитя начинаетъ ходить, говорить, брать разныя вещи и дѣлать изъ нихъ какое—нибудь употребленіе, вообще когда оно начинаетъ *дѣйствовать на окружающіе предметы*. Но желанія образуются въ дѣтяхъ съ того момента, когда начинаютъ дѣйствовать на нихъ внѣшнія впечатлѣнія, притомъ доброе или злое качество послѣднихъ обуславливаетъ собою доброе или злое качество первыхъ, а отъ качества желаній зависятъ и качество воли. Впечатлѣнія же начинаютъ дѣйствовать на дитя съ самаго перваго появленія его на свѣтъ. Поэтому и забота о развитіи доброй воли должна начинаться тотчасъ по рожденіи дитяти на свѣтъ, т. е. въ то время, *когда дитя само еще не дѣйствуетъ на внѣшніе предметы, а только послѣдніе дѣйствуютъ на него*.

1) Въ самое первое время своей жизни дитя еще не различаетъ внѣшнихъ впечатлѣній, т. е. не отличаетъ одного впечатлѣнія отъ другаго и не соединяетъ извѣстное впечатлѣніе съ опредѣленнымъ внѣшнимъ предметомъ. Но уже и въ это время оно отличаетъ пріятное впечатлѣніе отъ непріятнаго. Это различіе общаго—пріятнаго или непріятнаго качества внѣшнихъ впечатлѣній и составляетъ самое первое по времени проявленіе духовной жизни дѣтей. Первое качество впечатлѣній возбуждаетъ въ дитяти общее чувство довольства, выражающееся спокойнымъ его состояніемъ, а чрезъ 3—4 недѣли по рожденіи и улыбкой. Второе возбуждаетъ въ немъ общее чувство недовольства, выражающееся плачемъ и безпокойнымъ состояніемъ. Такимъ образомъ



спокойное или безпокойное состояніе дитяти, улыбка и плачь его служатъ первымъ по времени внѣшнимъ выраженіемъ его духовной жизни, первымъ языкомъ дѣтей. Этимъ первоначальнымъ дѣтскимъ языкомъ и пользуется любящая мать, чтобы угадывать желанія своего дитяти. Конечно, желаніе, собственно говоря, предполагаетъ понятіе о предметѣ желаемомъ и въ этомъ смыслѣ у дитяти въ первое время жизни нѣтъ желаній, потому что оно ничего еще не знаетъ, не имѣетъ понятія ни о какихъ предметахъ, а потому не можетъ и желать чего нибудь опредѣленнаго. Когда напр. дитя, при отсутствіи всякихъ непріятныхъ впечатлѣній, лежитъ спокойно, оно, собственно говоря, ничего не желаетъ: это есть общее пріятное настроеніе, общее чувство довольства. Но и у самаго маленькаго дитяти уже образуются желанія, хотя еще совершенно смутныя и неопредѣленныя. Только эти желанія, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія представленій о предметахъ, имѣютъ не положительный, а отрицательный характеръ, т. е. состоятъ не въ стремленіи получить пріятное впечатлѣніе, а въ стремленіи избавиться отъ дѣйствующаго уже непріятнаго впечатлѣнія. Эти-то отрицательныя желанія и выражаются плачемъ. Когда дитя начинаетъ плакать, мать осматриваетъ его, находитъ дѣйствующее на него непріятное впечатлѣніе, удаляетъ предметъ, производящій это впечатлѣніе, тогда дитя, по исполненіи желаемаго, снова успокоивается. Здѣсь уже настоящее желаніе, только оно еще не имѣетъ надлежащей опредѣленности; потому что и самое возбуждающее его впечатлѣніе еще не является дитяти, а ощущается имъ какъ общее непріятное состояніе. Слѣд. въ первое время жизни дитяти забота родителей о развитіи въ немъ доброй воли ограничивается только устраненіемъ отъ него непріятныхъ впечатлѣній, т. е. хроническимъ уходомъ за нимъ, который, имѣя полное значеніе для правильнаго физическаго развитія, пріобрѣтаетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ важное значеніе и для духовнаго развитія дитяти. Правильнымъ и внимательнымъ уходомъ постоянно поддерживается въ дитяти общее пріятное настроеніе, которое, будучи укрѣпляемо и всеѣмъ послѣдующимъ воспитаніемъ, мало по малу сдѣлается основною чертою всего строя его духовной жизни и всеѣхъ его отношеній къ людямъ. Напротивъ, если мать, или замѣняющая ее женщина, небрежно ухаживаетъ за ребенкомъ, тяготится уходомъ за нимъ, сердится, когда дитя подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія плачетъ, злобно трясетъ его вмѣсто того, чтобы освободить отъ беспокоящаго его впечатлѣнія и т. п., и если притомъ такое жестокое обращеніе съ ребенкомъ продолжается во весь нѣжнѣйшій періодъ его жизни; то ребенокъ, постоянно раздражаемый какъ внѣшними непріятными впечатлѣніями, такъ и злобнымъ и безтолковымъ обращеніемъ съ нимъ, мало по малу и самъ ожесточается. Если родители, жестоко обращавшіеся съ ребенкомъ въ нѣжнѣйшій періодъ его жизни, и послѣ, съ возрастомъ младенца, будутъ обращаться съ нимъ также жестоко; то образовавшееся въ ребенкѣ ожесточеніе—злобное настроеніе будетъ постепенно укрѣпляться и сдѣлается наконецъ основною чертою всеѣхъ его отношеній къ людямъ. Такимъ образомъ въ нѣжнѣйшій періодъ жизни дитяти, когда оно еще совершенно безпомощно и не можетъ оказать никакого сопротивленія внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя поэтому дѣйствуютъ на него неотразимо, въ волѣ его, смотря по тому или другому качеству впечатлѣній, полагается доброе или злое основаніе.

Затѣмъ наступаетъ иная пора въ развитіи дитяти, когда укрѣпившіеся постепенно тѣлесные члены даютъ ему возможность самому дѣйствовать на внѣшніе предметы. Съ этого времени начинается самостоятельная дѣятельность дитяти; оно перестаетъ уже быть безотвѣтнымъ и безпомощнымъ предметомъ внѣшнихъ вліяній, напротивъ становится

дѣствующимъ лицомъ и вокругъ себя уже находятъ бѣз-  
отвѣтные и безпомощные предметы, на которые могутъ  
простирать свою дѣятельность. Какъ ни мало количество  
этихъ, доступныхъ вліянію дитяти, предметовъ и какъ ни  
ограниченно его вліяніе на эти предметы, во всякомъ слу-  
чаѣ здѣсь именно происходятъ первыя столкновенія дитяти  
съ внѣшнимъ міромъ и здѣсь образуется то или другое ка-  
чество отношеній его къ внѣшнему міру, то или другое ка-  
чество его воли, какъ дѣйствительнаго исполненія желаній.  
Въ это время, при постепенномъ ознакомленіи дитяти съ  
обружающими его предметами, кромѣ отрицательныхъ въ  
немъ образуются уже и положительныя желанія, состоящія  
въ стремленіи получить что-нибудь, достигнуть чего-нибудь;  
слѣд. теперь воля его получаетъ надлежащую полноту. Да-  
же, въ это же время, при первыхъ столкновеніяхъ дитяти  
съ предметами внѣшняго міра, при первыхъ попыткахъ его  
привести въ исполненіе свои желанія, менѣе обнаружива-  
ется и вовнѣ проявляется доброе или злое общее настроеніе,  
образовавшееся въ немъ въ нѣжнѣйшую пору его жизни  
подъ вліяніемъ добраго или злаго качества дѣйствовавшихъ  
на него тогда впечатлѣній. Если, при постоянно-нѣжномъ  
и внимательномъ уходѣ, образовалось въ дитяти въ ран-  
нюю пору его жизни свѣтлое и доброе общее настроеніе,  
то теперь дается заботливымъ родителямъ возможность укрѣ-  
пить это доброе настроеніе и сдѣлать его основною чертою  
всѣхъ отношеній дитяти къ внѣшнимъ предметамъ, слѣд.  
основною чертою его воли. Если же напротивъ въ дитяти,  
подъ вліяніемъ жестокаго и небрежнаго обращенія, образо-  
валось въ раннюю пору жизни злобное настроеніе, то те-  
перь есть возможность уничтожить это дурное настроеніе  
въ самомъ началѣ и замѣнить его добрымъ. Къ сожалѣнію  
такое замѣна рѣдко возможна, потому что тѣже самые лю-  
ди, которые своимъ безтолковымъ обращеніемъ образовали

въ дитяти злое настроеніе въ первую пору его жизни, продолжаютъ вліять на его развитіе и далѣе—во все время дѣтства. Такимъ образомъ это время первыхъ столкновеній дитяти съ внѣшнимъ міромъ, первыхъ попытокъ его исполнять свои желанія, имѣетъ весьма важнос, можно даже сказать—рѣшительное значеніе для развитія его воли. Значеніе этого времени еще болѣе возвышается тѣмъ, что теперь, при слабости сознанія, дитя еще не умѣетъ скрывать своихъ желаній, еще дѣйствуетъ совершенно открыто и свободно, подъ вліяніемъ явившихся въ данную минуту желаній, еще проявляетъ въ своихъ поступкахъ всю свою душу. Впослѣдствіи, когда дитя вступитъ уже въ общество сверстниковъ, когда для него начнется своего рода общественная жизнь, сознаніе его окрѣпнетъ на столько, что дитя въ состояніи будетъ скрывать свои желанія и вести себя на глазахъ взрослыхъ не такъ, какъ хотѣлось бы самому, а такъ, какъ пріятно взрослымъ. Тогда уже становится дѣломъ труднымъ исправить дитя, потому что душа его уже закрыта и недоступна такимъ прямымъ и сильнымъ вліяніямъ, какъ въ раннюю пору дѣтства. Тогда развѣ можно только страхомъ заставить дитя вести себя такъ или иначе, но измѣнить строй его духовной жизни брайне трудно. Потому-то и несправедливо обвиняютъ школы за то, что они не всегда исправляютъ дѣтей, поступившихъ въ нихъ изъ домовъ родительскихъ уже испорченными.

Всѣ наши отношенія ко внѣшнимъ предметамъ, т. е. какъ къ предметамъ неорганической природы, такъ и къ другимъ людямъ, дѣйствія которыхъ по отношенію къ намъ тоже суть внѣшнія явленія, подчиняются одному главному и неизмѣнному закону: качество дѣйствій внѣшнихъ предметовъ на насъ вполне соответствуетъ качеству нашихъ дѣйствій на внѣшніе предметы. Объяснимъ это примѣромъ: человекъ, лѣниво и небрежно исполняющій свои обязанности

сти, теряетъ мѣсто; торговецъ, слишкомъ жадный до барышей, отбиваетъ отъ себя покупателей; невнимательный докторъ лишается практики и т. д. Словомъ: *за каждымъ дѣйствіемъ человека слѣдуетъ неизбежное его послѣдствіе и качество послѣдствія вполне соответствуетъ качеству дѣйствія*. Этотъ законъ жизни и выраженъ словами Спасителя: *не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали*. Кто съ размышленіемъ наблюдаетъ жизнь людей, тотъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ подтвержденіе этого непреложнаго закона. А такъ какъ жизнь дѣтей слагается изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и жизнь взрослыхъ, то и въ жизни дѣтей вполне господствуетъ тотъ же самый законъ. Этимъ-то закономъ и должны руководствоваться родители, содѣйствуя правильному развитію воли дѣтей.

Какъ скоро тѣлесные члены дитяти окрѣпли уже настолько, что оно можетъ до извѣстной степени свободно владѣть ими, оно начинаетъ проявлять свою дѣятельность на окружающихъ его предметахъ и въ свою очередь подвергаться дѣйствию этихъ предметовъ. Слѣд. съ этого времени дитя входитъ въ тотъ кругъ взаимодѣйствія между человѣкомъ и внѣшними предметами, который простирается на всю жизнь человѣка и подчиняется только что изложенному закону равновѣсія между дѣйствіями и послѣдствіями. Изъ внѣшнихъ предметовъ дитя прежде всего начинаетъ упражнять свою дѣятельность на окружающихъ его мелкихъ домашнихъ вещахъ, слѣд. прежде всего сталкивается съ предметами неорганической природы. Кругомъ этихъ предметовъ дѣятельность его ограничивается довольно долго, пока съ возрастаніемъ, приблизительно на 3—4-мъ году, оно начинаетъ входить въ общество сверстниковъ. Здѣсь-то-въ мірѣ неорганическихъ и проявляется самымъ неуклоннымъ образомъ указанный нами законъ равновѣсія между дѣйствіями и по-

дѣйствию. Дитя упало или ударилось обо что-нибудь головою, оно ощущаетъ боль, воспоминаніе которой заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ. Оно дотронулось рукою до пламени свѣчки или пролило каплю кипятку на тѣло, происшедшій отъ того ожогъ также сохраняется въ его памяти и заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ. Впечатлѣніе производимое нѣсколькими случаями такого рода, до того глубоко и сильно, что никто не уговоритъ потомъ ребенка совершить такое дѣйствіе, за которымъ слѣдуетъ испытанное имъ вредное и болѣзненное послѣдствіе. Здѣсь природа даетъ намъ самый простой и ясный примѣръ того, какимъ путемъ нужно вести нравственное воспитаніе дитяти. Если родители предоставляютъ самому дитяти доходить собственнымъ опытомъ до познанія дѣйствій вредныхъ и безвредныхъ, то въ немъ съ малолѣтства, съ самыхъ первыхъ столкновеній съ внѣшними предметами, незамѣтно, но глубоко и прочно, укореняется убѣжденіе въ томъ, что каждое необдуманное и неосторожное дѣйствіе неизбѣжно влечетъ за собою вредное послѣдствіе. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, что дитя нужно оставлять совершенно на произволъ судьбы. Напротивъ, при первыхъ столкновѣніяхъ дитяти съ внѣшними предметами за нимъ долженъ быть самый тщательный надзоръ. Но надзоръ этотъ не долженъ состоять въ безпрестанныхъ останавливаніяхъ дитяти, въ постоянныхъ крикахъ: не дѣлай того-то, не трогай того-то, не лезь туда-то и т. п. Подобное докучливое вмѣшательство произвола взрослыхъ въ дѣйствія дитяти только раздражаетъ дитя, озлобляетъ его, дѣлаетъ его капризнымъ, непослушнымъ, своевольнымъ. Надзоръ за нимъ долженъ ограничиваться только тѣмъ, чтобы оно не совершало такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть опасны для его жизни и здоровья. При этомъ нужно помнить, что члены дитяти весьма гибки и съ большимъ трудомъ подвергаются перелому

или ушибу, а жизненная дѣятельность въ его тѣлѣ такъ сильна, что и значительныя наружныя поврежденія быстро заживаютъ сами собою безъ всякаго леченія. Выѣстъ съ тѣмъ самая эта сила жизненной дѣятельности возбуждаетъ члены дѣтей къ непрерывному упражненію, почему не слѣдуетъ слишкомъ ограничивать рѣзвость дѣтей, иначе они сдѣлаются вялыми, неповоротливыми и слабыми, что неблагопріятно отзовется и на ихъ духовномъ развитіи.

Въ разсматриваемый періодъ жизни дитя начинаетъ различать дѣйствія вредныя отъ безвредныхъ и приучается къ мысли о томъ, что предъ началомъ дѣйствій нужно обдумывать, какими они будутъ сопровождаться послѣдствіями. Слѣд. въ это время полагается основаніе для нравственной дисциплины, т. е. для обуздыванія желаній, но основаніе еще узко-эгоистичное, такъ какъ различіе вредныхъ и безвредныхъ послѣдствій еще относится только къ собственной личности. Затѣмъ наступаетъ новый періодъ времени, когда дитя, уже наученное до нѣкоторой степени опытомъ и сдѣлавшееся болѣе сильнымъ, начинаетъ болѣе дѣлать вредъ внѣшнимъ предметамъ, чѣмъ само получать отъ нихъ вредъ, т. е. начинаетъ ломать, рвать, вообще портить окружающіе предметы. Здѣсь положенное прежде нравственное основаніе должно быть не только укрѣпляемо, но и расширяемо, т. е. должно быть переносимо съ собственной личности дитяти на всѣ окружающіе его предметы. Здѣсь же, съ постепеннымъ расширеніемъ отношеній дитяти къ внѣшнимъ предметамъ, и законъ равновѣсія между дѣйствіями и послѣдствіями получаетъ все болѣе и болѣе обширное приложеніе, хотя и не столь ясное, какъ въ болѣе раннюю пору жизни, такъ какъ дѣйствіе всякаго закона съ умноженіемъ и усложненіемъ явленій становится менѣе яснымъ, чѣмъ при немногихъ и несложныхъ явленіяхъ. При вредѣ, наносимомъ дѣтми внѣшнимъ предметамъ, нужно раз-



личать два случая: дѣти портятъ окружающіе ихъ предметы или изъ любознательности, составляющей коренное свойство всякаго человѣка, или вслѣдствіе неряшливости, небрежности, беззаботности, или даже по своевольному капризу. Въ первомъ случаѣ наказаніе дѣтей за порчу предметовъ очевидно неумѣстно. Никто не осудитъ ученаго, который убиваетъ животное для произведенія извѣстныхъ опытовъ, дающихъ ему возможность двигать впередъ науку. Но всякій осудитъ того же человѣка, если онъ убьетъ животное вслѣдствіе злобнаго настроенія. Также любознательность, которая даетъ ученому право убивать животное, оправдываетъ и дитя, ломающее данныя ему вещи изъ любознательности. Дитя еще очень мало знакомо со внѣшними предметами, и вотъ попадаетъ ему въ руки новый, еще ни разу невиданный имъ предметъ, положимъ какая-нибудь игрушка. Дитя долго осматриваетъ внѣшнюю форму игрушки, внимательно изучаетъ ее со всѣхъ сторонъ, и пока продолжается этотъ процессъ изученія, оно интересуется внѣшней формой игрушки и не портитъ ее. Наконецъ процессъ изученія внѣшней формы конченъ и она теряетъ для дитяти всякій интересъ; вниманіе его привлекаетъ къ себѣ внутренность игрушки и дитя портитъ совершенно уже неинтересную для него внѣшнюю форму игрушки, чтобы добраться до интересующей его внутренности. Въ этомъ случаѣ дитя ломаетъ игрушку очевидно по праву, потому что иначе оно не могло бы добраться до внутренности ея и удовлетворить своей любознательности. Наказаніе здѣсь неумѣстно и несправедливо. Оно является совершенно произвольнымъ дѣйствіемъ взрослыхъ, имѣющихъ цѣлю сдѣлать вредъ дитяти. Дитя не можетъ осмыслить причинъ наказанія, не можетъ найти связи между своимъ дѣйствіемъ и наказаніемъ. Поэтому наказаніе только ожесточаетъ его, дѣлаетъ трусливымъ и скрытнымъ, по

не исправляетъ: при первой же встрѣчѣ съ новымъ предметомъ дитя, увлекаемое своей любознательностью, сдѣлаетъ тоже самое, только позаботится скрыть свой поступокъ. Такимъ образомъ весь кругъ подобныхъ дѣйствій дитяти не долженъ подлежать наказаніямъ. Наказаніе здѣсь дѣйствительно является совершенно произвольнымъ и притомъ несправедливымъ дѣйствіемъ со стороны взрослыхъ, потому что они наказываютъ дитя не за то, что оно вообще испортило вещь, а за то, что оно испортило вещь, дорогую или нужную для взрослыхъ. Но въ этомъ случаѣ виноваты взрослые, а не дитя. Взрослые знаютъ цѣну вещамъ и должны удалять дорогіе и нужные предметы изъ круга дѣятельности дѣтяти. Если же они не сдѣлали этого, то сами виноваты и наказывать въ подобномъ случаѣ дитя значить свою вину переносить на существо совершенно невинное.

Но есть другой и притомъ очень большой кругъ вредныхъ дѣйствій дѣтей, въ которомъ наказанія умѣстны и справедливы. Если напр. дитя теряетъ игрушку отъ неряшливости и беззаботности; если оно ломаетъ или рветъ какабую—нибудь вещь не изъ любознательности, но или изъ каприза или отъ небрежности; если портитъ вещь, уже хорошо ему извѣстную, гдѣ слѣд. любознательность не побуждаетъ его къ порчѣ вещи. Подобныхъ случаевъ можно встрѣтить множество въ жизни дѣтей и внимательные родители всегда сумѣютъ отличить, портитъ ли дитя вещь изъ любознательности, или изъ небрежности, изъ невниманія къ вещи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ наказаніе должно слѣдовать за вреднымъ дѣйствіемъ дитяти. Конечно и въ этихъ случаяхъ дѣти портятъ вещи большею частію не вслѣдствіе злаго настроенія, не изъ желанія сдѣлать вредъ вещамъ, а просто потому, что не сознаютъ значенія собственной и потому небрежно относятся къ вещамъ. Но здѣсь—то наказанія, слѣдующія за вредными дѣйствіями

дитяти, и должны развивать въ немъ мысль о собственности, должны приучать его быть заботливымъ, осмотрительнымъ и осторожнымъ въ своихъ поступкахъ,—словомъ, должны внушать ему тѣ практическія правила добраго и разумнаго поведенія, которыя имѣютъ столь высокое значеніе въ жизни взрослыхъ людей. вмѣстѣ съ тѣмъ наказанія эти будутъ расширять положенное прежде въ дитяти основаніе для нравственной дисциплины, т. е. для обуздыванія его желаній и дѣйствій. Именно наказанія здѣсь будутъ слѣдовать не только за такими дѣйствіями, которыя вредны для самаго дитяти, но и за такими, которыя хотя безвредны, даже иногда пріятны для него самаго, но причиняютъ вредъ другимъ предметамъ. Это основаніе нравственной дисциплины, будучи постепенно расширяемо при благоразумномъ и внимательномъ содѣйствіи родителей, легко и незамѣтно обниметъ собою, съ дальнѣйшимъ возрастомъ дитяти, и всѣ отношенія его къ сверстникамъ, и такимъ образомъ сдѣлается прочнымъ началомъ его нравственности.

---

### ПАСТЫРСКІЕ ДНЕВНИКИ.

(По поводу изданія на русскомъ языкѣ *Исповѣди* блаженнаго Августина).

По мысли Ея Величества Государыни Императрицы, при кievской духовной академіи, предпринято изданіе твореній бл. Августина въ русскомъ переводѣ. Въ прошедшемъ году окончено печатаніемъ и издано отдѣльною книгой замѣчательнѣйшее изъ твореній сего знаменитаго древняго учителя Церкви, именно его »Исповѣдь«<sup>1</sup> или обзорѣніе собственной жизни его, написанное имъ самимъ и состоящее изъ XIII книгъ, изъ коихъ въ первыхъ 10-ти изображается жизнь его до времени крещенія и обращенія къ православ-

ной вѣрѣ, а въ послѣднихъ 3-хъ заключается размышленіе на слова бытописателя: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю...* до словъ: *и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*. Содержаніе и характеръ всего этого сочиненія ясно для внимательнаго читателя показываетъ, что блаженный Августинъ, при написаніи его, имѣлъ въ виду исповѣдать предъ Богомъ и людьми о своихъ человѣческихъ слабостяхъ и милосердіи Божию, оставить навсегда въ этой исповѣди памятникъ души кающейся и благодарной, и въ себѣ самомъ показать поразительный примѣръ неизмѣнной правды и благодати Божіей. Мысль эта проходитъ чрезъ все сочиненіе, но яснѣе всего выражается въ слѣдующихъ словахъ его »Исповѣди«: »И добродѣтельные люди, которые проводили прежде жизнь порочную, а потомъ познались и обратились на путь правый, не безъ радости вспоминаютъ о прошедшей жизни; но радость ихъ происходитъ не отъ того, что они жили когда-то порочно, а отъ того, что они изъ порочныхъ сдѣлались добродѣтельными. Вотъ въ чемъ состоитъ плодъ исповѣди моей, замѣчаетъ онъ. Августинъ въ другомъ еще мѣстѣ: не въ томъ, каковъ я былъ прежде, но въ томъ, каковъ я теперь—исповѣдать это не только предъ Тобою втайнѣ... но и открыто предъ вѣрующими сынами человѣческими, соучастниками въ радости моей и сообщниками въ смертности моей, согражданами и сопутниками моими въ жизни сей, и прежде меня бывшими и послѣ меня имѣющими быть... рабами Твоими и братьями моими, которыхъ Ты благоволилъ усыновить Себѣ, на служеніе коимъ Ты поставилъ меня... возвѣщу имъ, что Ты заповѣдалъ мнѣ служить, возвѣщу имъ, что я былъ въ прошедшемъ мѣстѣ, въ которомъ я осмѣ въ настоящемъ моемъ, и чего ожидаю въ будущемъ, имѣя въ виду не себя только, но и со- братьевъ своихъ... Итакъ пусть послушаютъ меня«. Кромѣ

сего бл. Августинъ такъ выражался объ этой книгѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ иѣвѣому Дарію Комиту, просившему Августина прислать ему книги своей »Исповѣди«.

»Прими книги Исповѣди моей, о которой ты просилъ меня. По нимъ суди обо мнѣ, не восписывая мнѣ похвалъ выше надлежащаго: мнѣ въ нихъ вѣрь, а не другимъ, обо мнѣ; размотри въ нихъ внимательно меня, и присмотришься, что я былъ въ себѣ самъ по себѣ. Если же что поправится тебѣ во мнѣ, при чтеніи ихъ, то прославь вмѣстѣ со мною Того, Кого я желалъ прославить, но отнюдъ не восхваляя меня: *яко Господь Той есть Богъ нашъ, Той сотвори насъ, а не мы сами себя* (Пс. 99, 3); мы же только паденіемъ своимъ погубили себя. Но Кто сотворилъ насъ, Тотъ и падшихъ насъ возстановилъ. И если ты найдешь меня въ числѣ возставшихъ; то молись за меня, чтобы мнѣ никогда уже не отпадать, а болѣе и болѣе возвышаться и усовершенаться«.

*Прожитое, продуманное, и почувствованное Августиномъ* до его обращенія въ христіанство не представляетъ въ сущности чего—нибудъ такого, что не повторилось бы въ жизни другихъ личностей, такъ или иначе достигавшихъ истиннаго пути къ нравственному совершенству. Тѣже грѣховныя увлеченія съ одной стороны, таже милосердная къ грѣшнику благодать Божія—съ другой стороны наблюдающему взору представляются въ жизни каждаго, у одного яснѣе и опредѣленнее, у другаго сокровеннѣе и загадочнѣе. Если бы каждый изъ насъ стѣмѣлъ шагъ за шагомъ прослѣдить за своею жизнію съ момента проявленія въ себѣ самосознанія и разумнаго отношенія къ окружающимъ и сопровождающимъ жизнь обстоятельствамъ; если бы у каждаго изъ насъ достало на столько рѣшимости, чтобы хотя предъ самимъ собою разоблачить всѣ тайники своей прошедшей жизни, представивъ безпристрастную прагматическую ея

исторію; если бы, наконецъ, мы обладали способностію усматривать дѣйствія и вліянія силы Божіей въ явленіяхъ и обстоятельствахъ своей жизни: то какая прекрасная, поучительная и полезная псповѣдь своего рода вышла бы изъ письменнаго обозрѣнія жизни каждаго изъ насъ! Какая художественная эпопея могла бы сравниться, на примѣръ, съ правдивымъ, точнымъ, обстоятельнымъ, подробнымъ и послѣдовательнымъ самоизображеніемъ жизни любаго сельскаго пастыря! Сколько драматическаго и трагическаго въ разныхъ обыденныхъ даже явленіяхъ жизни пастыря!.. И все это, къ сожалѣнію, уносится потокомъ времени въ бездну вѣчности, не оставляя по себѣ и слѣда, злоба дня притупляетъ способность своевременно анализировать совершающіеся жизненные факты, а обременяемая не посылаетъ память не въ силахъ удержатъ иногда даже въ общихъ очеркахъ, а тѣмъ менѣе до подробностей переживаемое ежедневно. Между тѣмъ не безплодно должны бы проходить мимо насъ жизненные явленія: и мы сами, лично бывшіе участниками и свидѣтелями совершающагося событія или явленія, и другіе, имѣющіе послѣ насъ явиться на сценѣ жизни, должны бы пользоваться прожитымъ, какъ постояннымъ, сподручнымъ матеріаломъ, для построенія приближающагося къ идеалу образа своей жизни. Тѣмъ достойнѣе еще всегдашняго памятованія переживаемыя нами обстоятельства жизни, что они при видимомъ сходствѣ между собою и наружномъ однообразіи, всегда представляютъ нѣчто особенное своеобразное какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по своимъ въ ряду другихъ явленій жизни. Достойно замѣчанія при этомъ, что люди, больше другихъ присматривавшіе къ окружающей ихъ жизни и обладавшіе возможностью знать и видѣть больше другихъ, большею частію вели свои мемуары, рукописныя записки, дневники и т. п. изображенія какъ своей собственной жизни, такъ и современныхъ

имъ обстоятельствъ общей жизни. Съ признательностію къ памяти такихъ личностей, мы читаемъ ихъ записки, не всегда можетъ быть даже предназначавшіяся для любознательнаго потомства, и поучаемся мудрости жизни; наши потомки вправѣ также ожидать и отъ насъ нелицемѣрнаго изображенія нашей жизни, чтобы въ свою очередь поучаться отъ насъ и устроить свою жизнь не повторяя нашихъ ошибокъ и заблужденій и пользуясь нашими опытами къ благоустроенію собственной жизни. И если не богата фактами исторія нашего пастырства; если и сама наука объ исполненіи обязанностей пастырскихъ пробавляется у насъ доселѣ общими мѣстами: то виною этому отчасти то обстоятельство, что предшествовавшіе намъ пастыри не позаботились снабдить насъ, своихъ потомковъ, нажитою ими мудростію, не указали намъ тѣхъ путей, какими они шли, тѣхъ претыканій и преградъ, какія встрѣчали они, и не объяснили—какъ имъ удавалось преобѣждать все враждебное и противившееся вѣрному исполненію ими своего долга. Есть въ нашемъ обществѣ древніе роды и замѣчательныя фамиліи, гдѣ семейныя преданія о жизни предковъ, переходящія изъ рода въ родъ, полагаютъ особенныя типическія черты на характеръ и поведеніе въ жизни каждаго изъ членовъ этого рода и фамиліи. Не безслѣдно проходятъ для юнаго члена такой фамиліи рассказы о томъ, какъ поступалъ въ томъ или другомъ случаѣ его предокъ, гдѣ ему приходилось больше всего быть осторожнымъ, при какихъ обстоятельствахъ случались преимущественно неудачи, и какъ удобнѣе избѣгать такихъ неудачъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ житейскихъ столкновеніяхъ ему припомнится житейское благоразуміе его предковъ, о которомъ онъ слышался съ юныхъ лѣтъ, и онъ не задумываясь пойдетъ ихъ дорогою. Не отсюда ли и происходитъ, между прочимъ, то явленіе, что поступки членовъ одного рода всегда отличаются, на-



примѣръ, великодушіемъ, другаго—осторожностію; третьяго—навязчивою искательностію и т. п. А кому неизвѣстно, какъ школьныя преданія, переходящія отъ одного поколѣнія воспитанниковъ къ другому, всегда даютъ извѣстный характеръ дѣятельности воспитанникамъ этихъ школъ. Желательно, чтобы и въ средѣ нашихъ пастырей были и сохранялись *пастырскія* преданія, чтобы неопытный, по молодости, пастырь могъ всегда пользоваться опытностію бывшихъ прежде него собратій его, чтобы пути, ближе и успѣшнѣе всего приводящіе къ цѣлямъ пастырства, проложенные однимъ пастыремъ, преемственно указывались идущимъ позади его и чтобы позади идущіе напередъ уже имѣли свѣденія о томъ, что имъ встрѣтится на этомъ пути и какъ имъ быть при той или другой встрѣчѣ. Никакая наука пастырства не замѣнитъ такихъ практическихъ указаній, передаваемыхъ отъ стараго поколѣнія пастырей поколѣнію юнѣйшему. Старый воинъ, совершившій не мало походовъ, опытный въ бояхъ, правдиво и съ увлеченіемъ передающій рассказы о своей боевой жизни, всегда находитъ вокругъ себя въ числѣ своихъ слушателей и такихъ воиновъ, которые изучили достаточно уже науку военную. Опытный пастырь, не одно десятилѣтіе прослужившій дѣлу Божию и переиспытавшій какъ сладости, такъ и горечи пастырскаго служенія, не остался бы безъ внимательныхъ слушателей, если бы сталъ рассказывать молодымъ пастырямъ пастырскія событія изъ своей жизни, не остался бы и безъ читателей, если бы передалъ эти событія на бумагѣ. Дневникъ пастыря, представляющій подробное и искреннее изложеніе внутреннѣхъ его чувствованій и воззрѣній, внимательное описаніе собственныхъ его поступковъ, а также и изложеніе надъ своими пасомыми, съ теченіемъ времени сформулированную пастырскую исповѣдь, на подобіе той, какую мы знаемъ отъ бл. Августина. Какой великій запасъ

разнородныхъ пастырскихъ наблюденій представилъ бы собою такой непрерывно и разумно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ веденный дневникъ! Сколько пользы отъ прочтенія его могъ бы получить всякій другой пастырь, а также и самъ пишущій его сколько наставленій получилъ бы, просматривая нѣсколько лѣтъ назадъ исписанныя имъ страницы! Какое знаніе себя самаго онъ почерпнулъ бы отъ такого веденія дневника! Сколько удобства онъ имѣлъ бы при этомъ видѣть и понимать причины успѣховъ и неуспѣховъ своей пастырской дѣятельности! Ничто лучше не помогло бы также ему изучить надлежащимъ образомъ и потребности своей паствы. Нечего уже и говорить о томъ, какъ веденіе собственнаго дневника, способствуя саморазвитію пастыря, направляло бы всегда мысль его къ изслѣдованію путей промысла Божія, все направляющаго ко благу нашему. Иногда иное событіе горько отозвалось на жизни пастыря, но вотъ, спустя нѣсколько времени, онъ припоминаетъ это событіе, размышляетъ о немъ и — находитъ, что прежнее горе имѣлось въ виду какъ условіе, необходимое для достиженія радости, и что вообще все, что Богъ ни посылаетъ, дѣлается къ лучшему.

Достаточно, думаемъ, и изъ сказаннаго видна серьезная для пастырей и для пастырства польза правильнаго веденія пастырями своихъ дневниковъ. Продолжать практическое указаніе пользы отъ пастырскихъ дневниковъ удлиннило бы и безъ того длинную нашу замѣтку. Къ на опытъ пастырскаго дневника указываемъ на помѣщенные въ нашемъ журналѣ выписки изъ дневника протоіерея А. Лужанина, названные имъ »Воскресныя Бесѣды«. »Мы вели дневникъ воскресныхъ бесѣдъ, пишетъ въ предисловіи къ выпискамъ изъ своего дневника этотъ достойный пастырь, какъ въ нытвинскомъ, такъ и въ юговскомъ заводѣ, хотя и съ пропусками: иногда понадѣешься на память, отложивъ запись до завтрашняго дня, а завтра

забудешь, или не все вспомнишь, либо за недосугомъ и даже пропустишь записать». Читатели »Воскресныхъ Бесѣдъ» о. Луканина наглядно могли видѣть пользу веденія пастырскаго дневника, хотя къ сожалѣнію и о. Луканинъ велъ свой дневникъ, какъ самъ пишетъ, съ пропусками. Не у всякаго, конечно, можетъ выйти такой дневникъ, какъ у автора »Воскресныхъ Бесѣдъ»; но не всякій же будетъ и предлагать свой дневникъ для печати, хотя несомнѣнно веденіе пастырями своихъ дневниковъ способствовало бы обширнѣйшему развитію и печатной пастырской письменности. Большинство пастырей, упражняющихся исключительно въ сочиненіи проповѣдей, естественно и для печати предлагаетъ почти исключительно только однѣ свои проповѣди. Признавая и цѣня всю важность этого рода литературы духовной, мы не можемъ не сожалѣть, что другія отрасли пастырской литературы остаются какъ бы въ нѣкоторомъ пренебреженіи, и мало въ средѣ пастырей находятъ себѣ служителей. Но можно быть увѣреннымъ, что веденіе пастырями своихъ дневниковъ, наводя ихъ постоянно на рѣшеніе многоразличныхъ вопросовъ пастырской жизни и служенія и заставляя ихъ ежедневно вдумываться въ эти вопросы, будетъ очень нерѣдко многихъ побуждать и къ спеціальному самостоятельному рѣшенію того или другаго вопроса изъ широкой области пастырства. Привычка же постоянная къ литературному труду, приобрѣтенная правильнымъ и постояннымъ веденіемъ дневника своего не будетъ стѣснять долгимъ изысканіемъ формы прошенія, литературною робостію—препятствіями, столь обыкновенными у людей не часто берущихся за перо, и къ нашей духовной литературѣ можетъ возникнуть мало по малу письменность въ собственномъ смыслѣ слова пастырская.

Бл. Августинъ въ одномъ мѣстѣ своей Исповѣди говорить, обращаясь къ Богу: »Но достанетъ ли у меня силъ

и временемъ языкомъ подобнымъ трости книжника скоронисца (Ис. 44, 2) возвѣститъ все совѣты Твои, и все угрозы Твои, и утѣшенія, и тѣ пути, которыми Ты привелъ меня на столь великое дѣло—проповѣдать слово Твое и благовѣститъ тайны домостроительства Твоего людямъ увѣровавшимъ въ тебя! Если бы и кого-либо изъ пастырей, рѣшившихся записывать день за днемъ событія внѣшней и внутренней своей жизни во славу Божию и въ наученіе свое и своихъ собратій, занялъ вопросъ »о силахъ и времени«, потребныхъ для этого труда; то пусть такой съ бл. Августиномъ воззоветъ къ Богу: »Потру Тебѣ жертву служенія и умомъ и словомъ своимъ, и ты даруй мнѣ принести эту жертву; огради отъ всякаго заблужденія и всякой лжи и умъ мой и языкъ мой; да будутъ цѣломудренны, чисты и неспорочны занятія мои; да не погрѣшу въ нихъ и самъ я и другихъ не введу въ заблужденіе своими ошибками«. При такихъ побужденіяхъ къ дѣлу найдутся и силы и время къ совершенію дѣла.

Х. О.

## НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ПОСОБІЕ ПРИ НАЧАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ЗАКОНА БОЖІЯ.

### III. 1).

*Начальное наставленіе съ православной христіанской вѣры.* Составилъ протоіерей церкви Маріинскаго дворца Дмитрій Соколовъ. Съ 25 рисунками—въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С. Петербургъ. 1869 г. 1).

У насъ принято предметы, входящіе въ составъ за-

1) См. №№ 18. 20. 2) Цѣна безъ пересылки 20 коп. Главный складъ этой книги въ нижномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова (С. Петербургъ, гостинный дворъ № 4).

кона Божія, преподавать ученикамъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ: сначала идетъ изученіе общепотребительныхъ молитвъ, далѣе изученіе священной исторіи, или библейскихъ разсказовъ, потомъ катихизиса или изложенія вѣры и нравственности православно-христіанской, а въ заключеніе—ознакомленіе съ богослуженіемъ и обрядами православной Церкви. Такое распредѣленіе въ преподаваніи предметовъ закона Божія вообще не педагогично, а въ частности—относительно низшихъ школъ и практически не состоятельно. Не педагогично потому, что изучаемое прежде непонятно безъ знанія того, что преподается въ послѣдствіи; напримѣръ выучиваютъ дѣти священную исторію ветхаго и новаго завѣта прежде, чѣмъ узнаютъ основныя истины вѣроученія; какая изъ этого польза? Могутъ ли они понимать внутренній смыслъ разсказываемыхъ событій? Нисколько; такъ какъ смыслъ этотъ освѣщается только знаніемъ истинъ вѣроученія, такъ какъ связь священной исторіи съ вѣроученіемъ христіанскимъ неразрывна: въ каждой истинѣ вѣроученія примѣчается ея историческая основа и истина вѣроученія уясняется исторією и для правильного пониманія той или другой необходимо ихъ совмѣстное представленіе. Ученикъ разскажетъ вамъ вѣрно, напримѣръ, исторію рождества Христова; но внутренняго смысла этого разсказа онъ не понимаетъ, и пойметъ его только тогда, когда узнаетъ, что родившійся Христосъ есть второе лице пресвятыя Троицы, Сынъ Божій, по любви къ падшему человѣку пришедшій спасти его. Далѣе, въ слѣдующемъ классѣ, когда приступаютъ къ изученію истинъ вѣроученія и нравоученія православной Церкви, законоучитель вынужденъ бываетъ, излагая вѣроученіе и нравоученіе, повторять и соприкасающіеся съ ними историческіе разсказы, такъ какъ не осмысленные общими истинами они не улеглись въ головахъ дѣтей. Говоря, напримѣръ,

при изъясненіи перваго члена символа вѣры, о Богѣ Творцѣ, законоучитель естественно долженъ возстановить въ памяти слушателей тѣ факты священной исторіи, гдѣ Богъ является Творцемъ міра; потому что дѣти успѣли забыть годъ тому назадъ выученный рассказъ о твореніи міра. Приступая къ изъясненію заповѣдей Божіихъ законоучитель вынужденъ бываетъ, по этой же причинѣ, обратиться къ исторіи избраннаго народа по исходѣ его изъ Египта, и дѣтямъ предстоитъ трудъ учить изъясненіе заповѣдей и припоминать вылетѣвшіе изъ памяти священноисторическіе рассказы о тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ были даны заповѣди <sup>1)</sup>. Къ чему эта двойственность труда? Педагогично ли убивать въ дѣтяхъ интересъ новизны, отягощать ихъ лишнимъ трудомъ, постоянными повтореніями? А относительно низшихъ сельскихъ школъ вышеуказанное распредѣленіе предметовъ, входящихъ въ составъ *закона Божія*, и практически не состоятельно. Извѣстно, что немногіе изъ дѣтей проходятъ весь курсъ школьнаго обученія, а большинство ихъ, побывши въ школѣ годъ, два и много три года, возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Съ какимъ же запасомъ свѣдѣній по закону Божію оставляютъ они школу? Съ знаніемъ молитвъ и нѣкоторыхъ библейскихъ рассказовъ, и только; а существенно необходимаго знанія основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, ознакомленія съ внѣшнею стороною богослуженія, съ значеніемъ важнѣйшихъ предметовъ, постоянно являющихся предъ ихъ глазами,—церкви, алтаря, царскихъ дверей, иконъ, утвари, облаченій и проч., а также необходимыхъ свѣдѣній о важнѣйшихъ праздникахъ православ-

---

<sup>1)</sup> См. статью »о преподаваніи религіи въ народныхъ школахъ« священника І. Вѣтвеницкаго въ »Народной Школѣ« 1869 года № 4.

ной Церкви,—они не приобретаютъ. Въ последнее время эти неудобства и недостатки въ приемахъ и ходѣ преподаванія закона Божія замѣчены нѣкоторыми законоучителями, которые и находятъ возможнымъ устранить ихъ совмѣстнымъ преподаваніемъ предметовъ, входящихъ въ составъ закона Божія, неразрывно связанныхъ между собою. Выше названная книга о. протоіерея Соколова представляетъ первый опытъ такого совмѣстнаго изложенія закона Божія.

Въ книгѣ о. протоіерея Соколова мы имѣемъ полный элементарный курсъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ закона Божія, изложенныхъ не въ общепринятомъ порядкѣ, а согласно требованіямъ здоровой педагогики. У него въ связи съ событіями изъ священной исторіи идетъ изложеніе или догматовъ вѣры, или правилъ нравственности, или церковнаго богослуженія, такъ что въ небольшой по объему книгѣ мы имѣемъ и священно-историческіе рассказы, и объясненіе символа вѣры, заповѣдей и молитвы Господней, и указаніе главнѣйшихъ праздниковъ и первоначальныя свѣденія объ устройствѣ храма, о святыхъ таинствахъ, и изъясненіе божественной литургіи, молитвъ и т. п. Напримѣръ, приступая къ изложенію исторіи творенія міра авторъ предварительно сообщаетъ догматическія понятія о Тріединѣмъ Богѣ — Творцѣ міра и показываетъ, въ какихъ молитвахъ мы прославляемъ святую Троицу (стр. 1). Къ разсказу о сотвореніи ангеловъ онъ присоединяетъ объясненіе катихизическихъ понятій объ ангелахъ, ихъ наименованіи, свойствахъ ангеловъ добрыхъ и злыхъ и затѣмъ приводитъ съ изъясненіемъ молитву къ ангелу хранителю (стр. 2). Разсказывая о синайскомъ законодательствѣ и перечисляя заповѣди Божіи, кратко объясняетъ смыслъ каждой изъ нихъ (стр. 20). При историческомъ разсказѣ о рождествѣ пресвятой Дѣвы Маріи, ея введеніи во храмъ и благовѣщеніи, онъ говоритъ, что пресвятую



Дѣву Марію должно ублажать выше херувимовъ и серафимовъ, указываетъ молитвы, которыми мы прославляемъ ее, дни ея жизни, какіе мы празднуемъ (стр. 31). Излагая исторію рождества Іисуса Христа, Его страданій, смерти, воскресенія и вознесенія на небо, онъ объясняетъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 члены символа вѣры, въ которыхъ говорится о Лицѣ Іисуса Христа, Его воплощеніи и вочеловѣченіи, распятіи, страданіяхъ, смерти, воскресеніи, вознесеніи на небо и второмъ пришествіи. Съ разсказомъ о нагорной проповѣди Іисуса Христа авторъ соединяетъ объясненіе девяти заповѣдей о блаженствахъ, а при разсказѣ о томъ, какъ ученики просили Іисуса Христа научить ихъ молиться, онъ объясняетъ смыслъ молитвы Господней, а также и другихъ необходимыхъ для дѣтей молитвъ утреннихъ, вечернихъ, предъ началомъ и послѣ ученія, предъ принятіемъ и по принятіи пищи (стр. 73). Такое не механическое, не искусственное, а разумное, естественное органическое сочетаніе историческаго факта съ догматической или нравственною истинною, съ тѣмъ или другимъ богослужебнымъ обрядомъ, идетъ во всей книжкѣ о. протоіерея Соколова, что придастъ ей неоспоримое преимущество предъ всеми возможными учебными для дѣтей книгами по закону Божію. Въ ней мы имѣемъ все, что необходимо знать дѣтямъ, первоначально изучающимъ законъ Божій: здѣсь и общеупотребительныя молитвы и исторія ветхаго и новаго завѣта, и катихизисъ, и ученіе о богослуженіи, и первоначальная исторія церкви Христовой, и все это представляетъ одно стройное цѣлое, одинъ предметъ, въ основѣ котораго лежитъ историческій фактъ, съ которымъ связывается тотъ или другой догматъ, то или другое правоученіе и церковное установленіе, такъ что дѣти, изучающія законъ Божій по этому руководству, съ первыхъ же уроковъ научатся понимать живую связь

между догматомъ, молитвою, обрядомъ и священноисторическимъ фактомъ.

«Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ» о. протоіерея Соколова, представляя собою первый и удачный опытъ разумнаго совмѣстнаго изложенія предметовъ, входящихъ въ составъ закона Божія, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ себѣ и всѣ необходимыя качества, какъ истинно полезное учебное пособіе для народныхъ школъ и приготовительныхъ классовъ духовныхъ училищъ, по своему изложенію, по картинамъ и по цѣнѣ.

Излагая свою книгу авторъ ни на минуту не забылъ того, что онъ пишетъ ее для дѣтей; рѣчь его кратка, оживлена, ясна и совершенно понятна. Впрочемъ не можемъ не замѣтить, что изложеніе его не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ, именно: въ изложеніи священныхъ событій ветхаго завета авторъ допустилъ излишнюю краткость, такъ что рѣзко замѣтна несоразмѣрность ветхозавѣтной исторіи сравнительно съ новозавѣтною, изъ коихъ первая изложена на 30, а послѣдняя на 100 страницахъ. И краткость эта допущена въ такихъ событіяхъ, которые сами по себѣ, сколько помнится изъ нашего дѣтства, чрезвычайно интересуютъ дѣтей; напримѣръ рассказывая о томъ, что лучший изъ сыновъ Іакова былъ младшій сынъ Іосифъ, что Іаковъ любилъ его больше другихъ и оказывалъ ему предпочтеніе, авторъ прямо говоритъ: «за это братья возненавидѣли Іосифа....» (стр. 14). Въ этомъ фактѣ опущено многое существенно нужное для уясненія дѣла и весьма интересное для дѣтей, — опущены сонъ, видѣнный Іосифомъ, обстоятельство продажи его. Конечно подробности немыслимы въ такой небольшой по объему и начальной книжкѣ по закону Божію, — тѣмъ не менѣе слѣдовало бы сдѣлать хотя краткіе намеки на такіе факты, которые легко укладываются въ дѣтской головѣ. Или, напримѣръ, исторіи о царѣ Давидѣ авторъ посвящаетъ всего 12 строкъ (стр.

24), тогда какъ лице его само по себѣ настолько важно, что слѣдовало бы сообщить о немъ нѣкоторая и подробности, тѣмъ болѣе, что *псалтырь* царя Давида — любимая книга нашего православнаго народа; хотя бы о ней побольше сказалъ авторъ. Заботясь о живости, легкости и простотѣ изложенія, авторъ допустилъ нѣкоторую неточность въ выраженіяхъ, — напримѣръ: «была у нихъ (у Адама и Евы) *работа* (вмѣсто занятіе) для души, была у нихъ *работа* и для тѣла» (стр. 6); или: «первенствующие христіане вѣ ровали одинаково, какъ бы у всѣхъ были одни *уста*» (вмѣсто сердце) (стр. 112), — мы вѣруемъ не устами, а сердцемъ. Таже заботливость объ упрощеніи рѣчи и уясненіи дѣла ввела автора въ ошибку, по которой онъ допустилъ такіа неблагоговѣйныя выраженія о Лицѣ Іисуса Христа, какъ: «проповѣдь *Іисуса Назорянина*» (стр. 45); «бѣдныя стекались къ милосердому *Назаретскому Учителю*» (стр. 47); «жители Назарета пришли въ ярость отъ того, что Онъ *сынъ плотника Іосифа* осмѣлился назвать себя Христомъ» (стр. 46). Въ дѣтской книгѣ такіа выраженія о Лицѣ Іисуса Христа не умѣстны; въ дѣтяхъ прежде всего нужно укрѣплять ту положительную мысль, что Христосъ есть Сынъ Божій, а подобныя выраженія—«Іисусъ Назарянинъ», «сынъ плотника», «Назаретскій учитель», «сынъ Іосифа», часто и безъ нужды употребляемыя спутываютъ, сбиваютъ дѣтскія понятія о Лицѣ Іисуса Христа Сына Божія. Желаніе автора сколько возможно нагляднѣе и яснѣе изложить ученіе Спасителя—ввело его въ ту ошибку, что онъ, излагая ученіе Христа Спасителя о различныхъ предметахъ, сопоставляетъ съ нимъ или противопоставляетъ ему ложное ученіе фарисеевъ о тѣхъ же предметахъ. Усвоивъ ученіе Спасителя, изложенное въ такой формѣ дѣти могутъ придти къ такому заключенію, что во 1-хъ Спаситель о томъ только и училъ, о чемъ ложно учили фарисеи и слѣ-

довательно не проповѣдывалъ болѣе ни о чемъ такомъ, чего фарисеи не касались въ своемъ ученіи, во 2-хъ что все, чему учили фарисеи, было ложно, тогда какъ Самъ Спаситель засвидѣтельствовалъ о нихъ предъ народомъ: *всѣ, слики еще рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите* (Матѣ. 23, 3). И вообще, въ чему дѣтямъ знать, какъ учили фарисеи о томъ или другомъ предметѣ? Какой они могутъ вывести результатъ изъ сравненія фарисейскаго ученія съ ученіемъ Спасителя <sup>1)</sup>? Къ достоинствамъ изложенія «Начальнаго наставленія въ православной христіанской вѣрѣ» протоіерея Соколова, предназначеннаго для учебнаго посѣбія дѣтямъ по закону Божію, нужно отнести и то обстоятельство, что авторъ послѣ каждаго параграфа предлагаетъ катихизацію его, которая, какъ извѣстно, необходима въ дѣтской учебной книгѣ,—такъ какъ вопросы останавливаютъ вниманіе дѣтей на главнѣйшихъ пунктахъ содержанія и тѣмъ облегчаютъ усвоеніе урока. Но и въ этомъ случаѣ, прекрасное само по себѣ дѣло не свободно отъ недостатковъ. Катихизація тогда только безуборизненна, когда вопросы братей—безъ лишнихъ словъ и перифразовъ, просты—заключаютъ въ себѣ одну мысль и требуютъ одного отвѣта, а не многихъ, опредѣленны т. е. выражены такъ, чтобы на нихъ возможенъ былъ только тотъ, а не другой, прямой и положительный отвѣтъ, ясны—могутъ быть поняты ученикомъ, наконецъ—когда сосредоточены на самыхъ жизненныхъ сторонахъ предмета, связаны между собою и строго направлены къ одной цѣли. Не вездѣ и не во всемъ таковы вопросы въ разбираемой нами книгѣ.—По мѣстамъ они не въ мѣру кратки, дробны и неопредѣленны (стр 12. 28), и въ большинствѣ своемъ слишкомъ тѣсно привязаны къ случайнымъ фразамъ и выраженіямъ текста

<sup>1)</sup> Извлеченіе изъ журнала учебнаго комитета при св. Синодѣ отъ 5 ноября 1869 г. за № 175.

Вполнѣ понята и осуществлена о. Соголовымъ мысль, что въ учебномъ пособіи для дѣтей необходимы, въ приложеніи къ тексту, рисунки, коихъ въ его книжкѣ находится 25. Они изображаютъ важнѣйшія событія изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. Особенно удачно выбраны рисунки изъ новозавѣтной исторіи; они изображаютъ праздники Господни и Богородичны, такъ что дѣти по этой учебной книжкѣ могутъ познакомиться не только съ первоначальными истинами вѣры и церковнымъ богослуженіемъ, но и съ священными иконами, употребляющимися въ православныхъ храмахъ.

Предусмотрѣлъ авторъ и то, повидимому только мало-важное, а въ существѣ дѣла очень важное, обстоятельство, которое забывается большинствомъ нашихъ авторовъ издателей книгъ, именно возможно доступную цѣну книги. При всѣхъ достоинствахъ своихъ книга можетъ остаться бесполезной или малополезной, если цѣна ее не по силамъ нашимъ школьникамъ. Цѣна, назначенная авторомъ за его книгу, очень умеренна, если взять еще во вниманіе и очень удовлетворительные рисунки.

Удовлетворяя почти всѣмъ требованіямъ учебной книги по закону Божію «Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ», если только авторъ при третьемъ изданіи устранить тѣ недостатки, какіе указаны ему и официально и неофициально, съ достоинствомъ займетъ мѣсто давно желаннаго учебника по закону Божію.

И. Э—ий.

## НОВЫЙ МАГОМЕТЪ.

Заграничныя газеты пишутъ о появленіи новаго Магомета въ Азіи. Въ одномъ парижскомъ журналѣ напечатанъ слѣдующій разсказъ: »Лѣтъ десять тому назадъ въ Счастливой Аравіи появился человѣкъ по имени Сокеръ Альбахоль, родившійся въ Сенеѣ, главномъ городѣ Іемена и нынѣ имѣющій сорокъ лѣтъ отъ роду. Человѣкъ этотъ отличается необыкновенною для араба ученостію, произноситъ восторженные проповѣди, и не смотря на крайнюю бѣдность ни отъ кого не принимаетъ никакихъ приношеній. Большую часть времени онъ проводитъ въ пустынѣ. При самомъ появленіи его многіе признали его за пророка, но многіе также стали его преслѣдовать. Владѣтель Санен задумалъ умертвить его, но это ему не удалось. Слава новаго проповѣдника распространилась до такой степени, что въ настоящую минуту его сопровождаетъ всегда свита изъ двадцати знатнѣйшихъ жителей Аравіи и до 8000 вооруженныхъ арабовъ слѣдуютъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, для его охраненія. У него теперь нѣсколько учениковъ, слѣпо вѣрующихъ въ него и проповѣдующихъ милосердіе и покаяніе. Онъ утверждаетъ, что его ученіе передано ему пророкомъ Іліей. Но въ чемъ состоитъ его ученіе—это пока извѣстно однимъ его ученикамъ.

---

## ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

РЯЗАНСКИХЪ

**ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ**

въ 1870/71. церковномъ году.

Въ 1870/71. церковномъ году, начинающемся съ сентября мѣсяца, Рязанскія епархіальныя вѣдомости будутъ из-

даваться по примѣру прежнихъ лѣтъ, по программѣ, утвержденной святѣйшимъ Синодомъ. Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяць, 1 и 15 чиселъ, — въ размѣрѣ не менѣе трехъ печатныхъ листовъ большаго формата.

Цѣна вѣдомостей за годъ безъ пересылки *четыре руб. пятьдесятъ коп.*, а съ пересылкою *пять рублей*. Подписка принимается: въ Рязани, въ редакціи епархіальныхъ вѣдомостей, при Рязанской духовной консисторіи.

Редакція Рязанскихъ епархіальныхъ вѣдомостей покорнѣйше проситъ редакціи всѣхъ газетъ и журналовъ, съ которыми она доселѣ мѣнялась изданіями, *продолжить* обмѣнъ и *пересчитатъ* на своихъ страницахъ это краткое объявленіе объ изданіи Рязанской епархіальной газеты.

*Редакторъ, Протоіерей Харалампій Романскій.*